

Если не знать, что Крылов — сиречь Харитонов, а Харитонов — сиречь Крылов, можно подумать, что это два никакими сиамскими сращениями не связанных человека. И, вступая в диалог с Крыловым, ты не сразу выявишь в нём Харитонова, точно так же как, общаясь с Харитоновым, не разглядишь в нём с налёту Крылова. Но Крылов — он подлинный, как наш основоположник-баснописец, а вот Михаил Харитонов — литературный псевдоним. Творения обладателя одного и были однажды извлечены из водоёмов Сети главным рыболовом российской фантастики Сергеем Лукьяненко. Неисповедимо, кто намечен в ваши крёстные отцы...

Итак, Крылов — это Крылов, если хотите — баснописец отечественных национал-демократов, с какого-то времени — главный редактор журнала «Вопросы национализма», а Харитонов — это Харитонов, писатель-фантаст со своей «нечеловеческой комедией» «Золотой ключ, или Похождения Буратины», автор которой, судя по всему, явно меряется всяческими объёмами сразу с двумя толстяками — Алексеем Толстым и Оноре де Бальзаком.

Хотя во время нашего разговора Крылов, как Штирлиц, почти ничем не выдал в себе Харитонova. Ну разве что некоторой пластикой и образными параллелями устной речи, предполагающей тренировки в своём письменном воплощении. Однако на это обращаешь внимание уже потом, когда, завершая диалог, мой собеседник как бы между прочим припомнит... «энгельгардтовские экзерсисы». И ещё, не шифруясь, объяснит причину, подтолкнувшую его к писательству: оказывается, ему «очень не нравилось практически всё, что попадалось на книжном рынке».

Впрочем, один из вопросов, который он задал как Михаил Харитонов, звучал так, как если бы его сформулировал Константин Крылов: «Возможно ли, что земляне — единственная разумная раса Галактики, которая ценит власть выше жизни?»

— Константин, я слушал вашу лекцию, где вы обронили фразу о том, что в современном мире «русские люди доросли до своего национального самосознания довольно поздно». Действительно, если взять вчерашние братские республики

(определение «братские» я произношу с известной долей осторожности), приходишь к выводу: они давно пребывают в национальном поле — украинцы, грузины, эстонцы... Что же мы-то так припозднилились? Не понахивает ли это национальным инфантилизмом?

— Ещё со школы очень хорошо помню пропагандистский плакат. Назывался он «Дружба народов». Изображалась компания детишек, в центре которой стоял русский, рядом — украинец, а вокруг — остальные. Но вот какая интересная деталь: абсолютно все, включая украинца, были в национальных костюмах. Украинец, разумеется, в вышиванке, узбек — в тубетейке и так далее. А вот русский мальчик был изображён в школьной форме с пионерским галстучком...

— И этот мальчик отбрасывал невинную тень интернационализма?

— И это очень точно отображало суть того, о чём я сейчас хочу сказать. То есть русским говорили, что да, они — русские, и тут же объясняли: самый лучший русский — это советский, по аналогии с тем, что самая лучшая рыба — колбаса. В итоге получилось: русский — это прежде всего человек денационализированный. Всем остальным всё было можно. У них признавались вот эти милые, вроде бы ни к чему не обязывающие тубетеечки и вышиваночки, которые, как известно, в дальнейшем так заиграли! А ежели русского изобразить, допустим, в косоворотке — это ни-ни. Только пионерский галстучек и пиджачок!

Иными словами, русские официально считались наиболее советскими из всех советских народов. Более того, на эту тему ещё над русскими и работали! Конкретно. Напильником. К примеру, среди всех народов существовали диссиденты-националисты... Скажем, литовские или украинские. Их существование признавали. Они отбывали срока в местах не столь отдалённых. Спрашивается: а где русские диссиденты-националисты?

— Леонид Бородин, впоследствии известный прозаик и главный редактор журнала «Москва», по его собственному признанию, был единственным русским, оказавшимся в бараке особого режима

политзоны «Пермь-36». В соседнем бараке строгого режима тянул срок другой талантливый русский прозаик — Борис Черных...

— Совершенно верно. Буквально несколько человек. Происходила затейливая рокировка: роль русских диссидентов играли диссиденты-либералы. Причём, как правило, не русские. И на том месте, где должно было существовать русское национальное антисоветское движение, гуляли исключительно Сахаров с Боннэр. А старик Солженицын отдувался за всех русских. Что любопытно: когда на Западе симпатии Александра Исаевича выяснили окончательно, ему очень сильно отключили кислород именно по диссидентским линиям. Он стал предметом насмешек и издевательств. Войнович по этому поводу даже сочинил специальную книжку.

К чему я всё это говорю? Советская власть работала по русским фундаментальнее всего. Русское национальное самосознание давили по всем фронтам, начиная от абсолютно официального и кончая абсолютно неофициальным — диссидентским. То есть, как только кто-то на русском поле появлялся, всё срезалось очень аккуратно ножницами — на уровне сантиметра от почвы. И «национальный инфантилизм», о котором вы сказали, — результат постоянной селекционной работы.

Представьте себе несколько грядок: на одной растёт клубника, на другой — земляника. На третьей грядке выпалывают всё. Любой росток, который на ней проклёвывается. В результате на одной грядке пышным цветом цветёт клубника, на другой тянет свои усики земляника, а на третьей... пустота! При этом другие грядки тоже пололи. Но не выпалывали всё. Что-то да оставляли. А здесь — с корнем!..

И всё-таки, несмотря на выпалывание русской мысли и насаждение, кроме неё, чего угодно, есть, согласно русской пословице, сто путей и сто дорог. Можно сходить с ума ста возможными способами. Вот вам, пожалуйста, Дугин, затем — Кургинян, Евразийский союз молодёжи или что-нибудь ещё. Отплясывайте, как марьяшки, но только не ходите ногами, как люди! Тем не менее, в силу того, что русский народ довольно упорный, его национальное самосознание не могло находиться в состоянии крошечной спячки. Просто потому, что невозможно выпалывать всё и всегда.

По большому счёту мы — проскочившие сквозь зубцы этой системы. И наше возникновение отмотать назад практически невозможно. Хотя на самом-то деле все эти разговоры, которые мы затевали на рубеже двухтысячных, их по идее уместно было бы провести ещё до девяностых, потому что те же украинцы или грузины осуществили аналогичный мозговой штурм очень давно. Они всё прекрасно понимали ещё в советский период. Но,

думаю, хоть и поздно, однако мы до собственного самосознания всё-таки доросли.

— На лекции вы сказали, что «СССР если и был империей, то это не была империя русская». А по-сему сегодня мы «должны стать своего рода национально-освободительным движением, чтобы избавиться от колониального прошлого». Здесь важно договориться о терминах. Что понимать под «колониальным прошлым» (некоторые считают, что как раз Советский Союз был колонизирующей структурой)? И что понимать под «национально-освободительным движением»?

— Вы совершенно верно заметили, что, по сути дела, СССР, конечно же, выполнял роль колонизирующей структуры. Только самой главной его колонией была Россия и русские. При этом уровень, скажем так, угнетения России и русских был предельно высоким. Какую интересную особенность предполагала сама советская система? Она, сейчас воспроизведённая в РФ, выглядела следующим образом. Есть Советский Союз. Существуют советские республики. Из них самая большая — РСФСР. (Кстати, само название — ЭРЭСЭФЭСЭР — нормально выговорить невозможно.)

Так вот, РСФСР, что любопытно, была лишена тех признаков субъектности, которые имелись у других республик. Сейчас я буду говорить почти как Ельцин, но он-то как раз был прав, когда вопрошал: извините, почему в России нет своей компартии, даже — Академии наук, когда в республиках всё это налицо?

Далее: внутри РСФСР была выделена особенно гнобимая область с очень интересным и практически официальным названием — Нечерноземье. Сколько ненависти надо вложить, чтобы так обозвать исконно русские земли! Вот это самое «не» — отрицание — оно ведь открытым текстом подчёркивает: плохая земля. Меня это дёргало с детства. И было непонятно: откуда такой дискриминационный подход? Дескать, есть жирное, тучное Черноземье, а есть...

Хотя опять возникает вопрос: почему это самое Черноземье называется по имени земли, как будто там ничего более ценного нет? А у Нечерноземья буквальное название — тощая земля. Вообще-то говоря, хоть термин и взят из сельского хозяйства, но ему придали практически политический статус. Я даже помню эпохально-торжественные дикторские голоса: «Прибытие Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева на воронежскую землю». Это — Черноземье. А потом, когда Брежнев прибывал в одну из областей Нечерноземья, тогда так и писали: мол, Леонид Ильич уже даже не прибыл, а посетил. И вот Нечерноземье радостно приветствовало этот визит...

Советский Союз был, конечно же, империей, но повторюсь: самой главной его колонией, а отнюдь

не метрополий, являлась именно Россия. При этом уровень колониального давления повышался с градиентом, и наибольшую тяжесть приняли на себя исконно русские земли—пресловутое Нечерноземье, которое было загажено и изуродовано советской властью в полном смысле этого слова. И, честно признаться, к Нечерноземью относились как к бросовой помойке.

По большому счёту, если проводить сравнение с колониальными державами, то получалось примерно следующее: Россия—это нечто вроде Великобритании, только—с невидимой метрополией. Метрополия вроде как находилась в Москве. А вокруг простирались колонии. Причём наиболее угнетаемая из них—Россия. И, хотя нам намекали, что на самом-то деле вы тут главные, это означало равным счётом одно: да, мы тут главные, но сначала, русский, ты должен больше работать...

У Оруэлла, который, собственно, весьма толково описывал СССР, есть такой герой—Конь, которому всё время говорится, что он должен работать ещё больше. Собственно, Оруэлл так символизировал Россию времён Советского Союза. В конечном итоге, напомню, Конь выработался, и его просто сдали на мясо. В этом отношении, конечно, внутри русских зреет национально-освободительное движение. Примерно такое же, как, допустим, было в Индии против британского владычества.

— Но если мы под стать индусам, то против кого мы, стало быть, выступаем?

— Я ждал этого вопроса. Особенность нашего положения заключается в том, что индусы чётко знали, что за морями есть остров, откуда ими управляют, и говорили: «Сбросим сагибов в море, из которого они пришли!» А нам сложнее, потому что враг не столь виден...

— Мировое правительство?

— Это не мировое правительство. На самом деле он известен, как, впрочем, и имя его. Достаточно вспомнить официальную историю Советского Союза. Как она выглядела? Власть в России захватило отделение интернациональной организации, именуемой, простите за тавтологию, «Интернационал». По нынешним временам он воспринимается как что-то вроде «Алькаиды». Напоминаю, что «Интернационал»—всемирная преступная организация с глобальными планами. Типичная «Алькайда». Представьте, что сейчас власть в стране захватила бы упомянутая «Алькайда». Причём в стране—немусульманской. Примерно получился бы тот самый Советский Союз. С очень похожими отношениями. При этом где находится сейчас эта самая «Алькайда»—вопрос праздный, да и трудно решаемый. Во всяком случае, в первые годы советской власти абсолютно все, включая тех, кто здесь сидел за тюремными стенами, понимали,

что мы не русские, мы тогда даже—не советские (такого слова ещё не было!), но мы—члены «Интернационала».

В этом отношении мы до сих пор находимся под властью прямых, в смысле генетической линии, и идейных потомков международной преступной организации, которая когда-то сумела захватить власть в России. Это невидимый враг, к тому же постоянно мимикрирующий и представляющийся своим.

— Вы называете себя и своих сподвижников национальными демократами. То есть тем самым пытаетесь вернуть к жизни потускневшие от употребления слова—«демократ» и, кстати, «правозащита». Иначе сказать, берёте на вооружение то, чего другие—по крайней мере, в риторике своей,—стараятся избегать. Получается, вы играете на обоих полях? Рассчитываете на здравомыслие возможных политических союзников?

— Как вы сказали? «Потускневшие слова»? Да нет, не потускневшие. Эти слова были откровенно украдены. Напомню—как. Одним из очень успешных способов манипуляции является именно манипуляция словами. Например: у нас почему-то так называемыми правозащитниками именовались люди, которые занимались отнюдь не защитой и отнюдь не прав, а лоббизмом наиболее отвратительных национальных группировок.

Зачем нужна была игра подобными словосочетаниями? Чтобы сами слова ассоциировались с какой-то запредельной гадостью. Людей как будто бы специально выпустили на арену. Вот они и кривлялись. Для чего? Цель была единственная—чтобы русские даже не задумывались, что, вообще-то говоря, у них есть права и эти права надо защищать. А в образе правозащитника—хоп!—выскакивает Сергей Адамович Ковалёв. У подавляющего большинства—приступ отторжения...

Точно так же—со словами «правозащита» и «демократия». Ими в своё время прикрылась группировка людей, которая, извините меня, этот демос, то есть народ, ненавидела люто. Группировка, которая не то что не хотела демократии, но жаждала установить собственную диктатуру. В чём и преуспела. Какими, к чёрту, демократами могут именоваться люди, приветствовавшие в тысячу девятьсот девяносто третьем году расстрел Верховного Совета, то есть парламента—наиболее демократического органа в стране?! Можно было уже тогда сообразить, что слова «демократия» и «демократ» использовались намеренно.

Вывод: у нас украли наиболее интересные и важные слова и понятия для того, чтобы мы не могли ими воспользоваться. Типа: в этот суп я плюнула! Так вот, суп нужно вылить вместе с плевком. Тарелку помыть. И налить нашего супа.

Мы этим и занялись. Что характерно: как только пришли настоящие хозяева этих слов, господа, в своё время плевавшие в эти тарелки, несколько отступились.

Вот вам один хороший образ. Помню, как в начале двухтысячных в Москве прошёл съезд Гражданского общества России. Я туда приглашён не был, но мне рассказывали, как сие действо выглядело. На втором этаже, если я не ошибаюсь, Александр-хауса стоял огромный белый диван. И на этом огромном белом диване сидели...

— *Царь, царевич, король, королевич?*

— Если бы! На белом диване сидели Альбац, Венедиктов и ещё какие-то бесконечно прекрасные люди. И вся эта славная череда завершалась неким чиновником средней руки. Мой знакомый посмотрел на тот диван и озарился мыслью, что на нём-то, страшно признаться, по сути, всё наше гражданское общество и сидит! Этот термин считался сугубо принадлежащим господам либералам-демократам. И под гражданским обществом они понимали собственную узкую тусовку.

А мы сейчас используем слова «русское гражданское общество» в его прямом смысле. То есть — как совокупность русских более или менее организованных сил, которые чего-то добиваются. И что характерно: противоположная сторона перестала говорить о гражданском обществе. Её адепты отползли на заранее заготовленные позиции.

— *В одном из интервью вы заметили, что национальные демократы считают, что Россия — это государство, в котором есть национальное большинство — русские. И далее: «Русский народ возьмёт своё за счёт того, что он — большинство». Но согласитесь: как ни странно, формально являясь большинством, русские сегодня реально большинством не являются. Вы же сами сказали: «Когда что-то случается с мигрантами, власть разговаривает с лидерами их диаспор. С русскими не разговаривают». Тогда как же мы «возьмём своё»?*

— Взять своё можно только в условиях установившейся политической демократии. Демократия, по очень хорошему определению Честертона, — это система, которая поощряет робкого и осаживает прыткого. В частности, демократия — система, позволяющая слабому и не очень организованному большинству отстаивать свои права перед прыткими меньшинствами.

Я сейчас скажу странную вещь. Быть большинством — далеко не гарантия силы. Гарантией силы являются совсем другие вещи. Прежде всего — внутренняя организованность и наличие ресурсов. То есть, условно говоря, группа из нескольких человек может всё, что угодно, делать со сколь угодно многоликим большинством, если это большинство полностью атомизировано. При этом

атомизированность большинства — естественное явление. Большинство — оно разваливается, правильно? Да, бывает такое явление, как сплочённое большинство, но бывает оно только искусственно организованным и лишь в момент, что называется, смертельной опасности типа войны. Да, тогда это очень страшный зверь. Но остальное время люди просто живут своей жизнью, и в этом отношении они довольно беззащитны перед интригами сильного, пусть даже и маленького, но обладающего большими ресурсами меньшинства.

Меньшинство — что-то вроде пули, которая входит в мягкое тело. Пуля маленькая — тело большое. Тем не менее, результат известен. Так вот, демократия как раз тем и хороша, что она позволяет большинству отстаивать свои права. Причём — законным способом.

— *Есть стойкое ощущение: те, кто осуществляют нынешнюю обвальную миграционную политику (в этом смысле происходящее в Европе — как кривое зеркало), жаждут побыстрее растворить русских в пришлых. Закономерен вопрос: разве во власти — не русские? Ведь конкретно о них не скажешь, что они рубят сук, на котором сидят. Но как только мы посмотрим со стороны, складывается впечатление, что её представители как раз тот самый сук и рубят! А как же элементарный инстинкт самосохранения — если не за себя, то хотя бы за детей и внуков?*

— Напоминаю, что все их дети и внуки пребывают в Западной Европе и США. О чём это говорит? О том, что и они, и их родители никак не связывают себя с нашей страной. При этом родители считают, что они ещё в этой мёрзлой клетке, может, и досидят, а детишки уже будут нежиться под солнышком. Они заботливые отцы и матери, дедушки и бабушки. Более того, у кого детишки живут здесь, в России, они получили хорошее западное образование, деньги их хранятся в западных банках, и их обладатели, в случае чего, туда все и свалят...

— *И такие понятия, как «Родина», «Отечество», для них лишь фигура речи?*

— Даже хуже. Если бы они относились к нашей стране равнодушно, это было бы ещё ничего. Но они её активно ненавидят.

— *Будучи русскими?..*

— Легко! Среди любого народа имеется некоторое количество предателей. Были же евреи, которые достаточно искренне работали на тех же самых нацистов! Да ничего сложного! Народ наш большой, среди него всегда можно найти персонажей, которые его ненавидят. Англичане прекраснейшим образом находили людей в туземных элитах, которые соглашались работать на них. И не просто

соглашались, а работала истово, с верой в то, что делают господа, бесконечно вышшие, чем мы. Знаете, достаточно взять человечка, в особенности если он чем-то обижен, повозить его по прекрасному миру, показать ему «истинную» жизнь, и он искренне начнёт презирать своё гнилое болото и желать служить белым и пушистым господам.

Что касается нынешней России и её пушистых господ, не стоит забывать, что все они так или иначе являются советскими людьми, марксистами, воспитанными на ленинском подходе к русскому народу. Этот подход олицетворяется в том, что мы, русские, омерзительные твари, держиморды, шовинисты, которых надо давить, давить и давить. А все права предоставлять инородцам. Все эти высказывания Ленина известны. Они действительно на них воспитаны. Так считают и некоторые из тех, кто этнически является русским. И, как ни парадоксально, эти люди особенно стараются. Я наблюдал это неоднократно.

— Тогда, по этой логике, получается, что нынешние сильные мира сего—это собрание самоубийц?

— Почему—самоубийц? Себя они любят. Своих детей—тоже. С ними ничего не случится. Они, извиняюсь, обложились гигантским количеством подушек безопасности. И уверены, что при любом развитии ситуации с ними ничего не случится. Кстати говоря, они правы. А что мы с ними делаем? Представим самый невероятный сценарий. Завтра происходит национальная революция. Все эти персонажи успеют спрятаться, а то и убежать. Более того, они убегут к тёплым морям, к миллионным состояниям, которые их там ждут, скрытые и закопанные по разным банкам и офшорам. Их детишки уже там. Чего им бояться-то? Разумеется, они не хотят такого развития событий, потому что намерены нашу страну уничтожить полностью вместе с народом, чтобы править здесь вечно.

— Неужели этот среднестатистический российский короед жаждет раствориться в мигрантах?

— Простите, мигранты представляют для этих короедов гораздо меньшую угрозу, чем русские. Смотрите, как наши короеды рассуждают: «Эта страна развиваться не будет. Никакого научно-технического прогресса». Поэтому Россия, по их логике и хотению, останется навеки сырьевым придатком. Ничего, кроме добычи нефти и других полезных ископаемых. Кто для этой цели им нужен? Неквалифицированные, глупые, запуганные люди.

Так вот, русские, несмотря на всю их раздробленность и неспособность к активным действиям, всё-таки обладают «странным» ощущением, что «эта страна»—«ихняя». Посему желательно иметь население, которое точно знает, что это—не их страна, что их здесь, условно говоря, пустили

пожить только потому, что так захотело начальство. Население, которое в этом отношении будет послушно. Им нужен народ, который...

Я сейчас приведу весьма эксклюзивную формулировку, услышанную мной от одного из деятелей «Единой России», высказавшегося однажды при мне вполне откровенно. Фразу его, родившуюся во время разговора о присутствии в России среднеазиатов, нужно увековечить в граните: «А чего? Они молчат, платят и голосуют как надо!» По-моему, конгениально!

Это те три вещи, которые власти нужно от народа. Русские, они, во-первых, что-то там бурчат, во-вторых, платят плохо и, в-третьих, всё время пытаются проголосовать неправильно. Поэтому не надо нас—надо их. Причём им не нужны даже мигрантские элиты—просто сброд. Но за нами остаётся ответное «не надо!».

— Раскройте секрет: как из людей, положивших свою жизнь служению русской идее, получают писатели-фантасты? В частности, из Константина Крылова—Михаил Харитонов? Да и не только—из Крылова... А Елена Чудинова? Наталия Холмогорова? С одной стороны, они сражаются за права русских, а с другой... пишут антиутопии и фэнтези или занимаются их переводами. Согласитесь, тут уже проглядывается некая типология. Впору полюбопытствовать: где же подлинное?

— Во-первых (да не прозвучит это слишком самонадеянно), мы все—очень талантливые люди. Это как раз неудивительно. Если на Западе политик национального толка может быть человеком достаточно простым, потому что там все эти идеи лежат на поверхности, то у нас в России для того, чтобы прорваться сквозь определённый слой искусственно создаваемого внешнего шума, нужно, как правило, всё-таки обладать повышенным уровнем интеллекта.

Теперь—почему литература? Я полагаю, что для более или менее умного русского человека писательство—практически естественное занятие. Россия—литературоцентричная страна.

— Ну да, из самой читающей мы превратились в самую пишущую...

— Понимаете, в чём дело: образованный человек—он в основе своей литератор. Даже если он пишет просто письма. Скажем, читать переписку или мемуары русских политических деятелей старого времени—одно удовольствие.

— Например, переписку царя Иоанна Грозного и князя Андрея Курбского?

— Да, Господи! Допустим, даже если мы возьмём энгельгардтовские эзерсисы из деревни. Кроме того, что они интересны сами по себе, но они же ещё и хорошо написаны! Да, я рассматриваю

свою политическую деятельность как главную и основную, а что касается моего писательства... так получилось. Мне очень не нравилось практически всё, что попадалось на книжном рынке. Не было книжки, которую бы я мог взять с полки с удовольствием и почитать. Кроме всего прочего,

литература — хороший способ выразить ту часть своих мыслей, которая другим способом выражается более сложно и коряво. Можно написать трактат на эту тему, а можно — рассказ. Рассказ будет и короче, и убедительнее. Я, например, хотя и пишу фантастику, но считаю себя реалистом.